

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ФИНИКИИ

Если еще в начале нашего века один из крупнейших историков древности, Б. А. Тураев, мог не без основания утверждать, что «ни одна страна древнего мира не дала так мало археологического материала, как Финикия»¹, то блестящие результаты раскопок предвоенных лет в корне изменили это положение, а открытие цивилизации Угарита и обильный археологический материал из Библа обогатили науку новыми данными об обществе, истории, литературе и языке древней Финикии. Раскопки, возобновившиеся после второй мировой войны, добавили к имеющемуся материалу по истории Финикии немало ценных источников, как материальных, так и письменных. Естественно, что продолжающиеся раскопки и интересные публикации в немалой степени возбуждают интерес в научном мире и вызывают пересмотр целого ряда положений, ранее считавшихся доказанными. Все это вызывает оживленный отклик и обмен мнениями в науке. В этом отношении интересен обзор новых иностранных работ по истории Финикии.

Настоящий обзор пытается полностью охватить литературу, вышедшую за рубежом с 1950 г., однако, где это требуется, даются указания также и на более ранние работы, на основании и в продолжение которых написаны вышедшие после 1950 г. или же основные труды данной узкой области. Те же вопросы, которые уже ранее освещались в нашей отечественной литературе более или менее полно, будут в дальнейшем затрагиваться только вскользь. Сюда относится обширная литература, возникшая вокруг недавно найденных финикийских надписей в Киликии, разобранных проф. И. Н. Винниковым², и вопросы истории письма, освещенные проф. В. А. Крачковской³. Отметим также, что наш обзор охватывает финикийскую историю до эллинистического периода; многочисленные материалы последних лет, касающиеся более позднего времени, требуют отдельного обзора.

Первостепенное значение имеет публикация материалов раскопок, однако, за рассматриваемые нами годы не появилось крупных археологических работ. Следует упомянуть краткие отчеты Клода Шеффера о результатах раскопок в Рас-Шамре⁴. Помимо обилия письменных источников, о которых речь будет ниже, археологический материал дает нам дополнительные сведения о связи Финикии с другими странами Переднего Востока, о борьбе хеттов с Египтом за преобладание в северной Финикии в амарнское время. Будем надеяться, что новые публикации материала, вдобавок к уже имеющимся⁵, смогут пролить новый свет на эти интересные вопросы. После войны были также продолжены Дюнаном раскопки в Библе⁶. По имеющимся сведениям, основное внимание здесь было уделено исследованию неолитических и энеолитических слоев⁷, в частности — энеолитического некрополя. Это имеет очень важное значение для точного выяснения древнейшего населения Финикии и его отношений к более позднему, семитическому населению Финикии. Хотя до сих пор в Финикии были находимы неолитические слои, до сих пор в Финикии были находимы неолитические слои.

¹ Б. А. Тураев, Финикийская литература, сб. «Литература Востока», II, изд. «Всемирная литература», 1920, стр. 163.

² «Новые финикийские надписи из Киликии», ВДИ, 1950, № 3; «Вновь найденные финикийские надписи», ЭВ, III (1951).

³ «К вопросу об алфавитном письме», ЭВ, V (1951); «Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье до IX в.», ЭВ, VI (1952).

⁴ См. Cl. F.-A. Schaeffer, CRAI, 1950, № 3, стр. 256; «Syria», XXVIII (1951), стр. 1—21; CRAI, 1952, № 2, стр. 234—241; 1953, № 1; 1954, № 1, стр. 97—105; «Syria», 1954, № 1, стр. 14—67; а также археологические обзоры в журнале AJA, 1952, № 1, стр. 44; «Orientalia», 1953, № 2, стр. 216—217; 1954, № 1, стр. 78—79.

⁵ Cl. F.-A. Schaeffer, Ugaritica, I, P., 1939; II, P., 1949.

⁶ Отчеты о них публикуются в журнале «Bulletin du Musée de Beyrouth», который, к сожалению, остался мне недоступен.

⁷ См. AJA, 1952, № 1.

литические и энеолитические слои¹, мы нигде не имеем их последовательного залегания под более поздними слоями. Поэтому именно результаты раскопок Библа должны ответить на целый ряд интересующих нас вопросов.

Раскопки в Тире дали только материал по римскому и византийскому времени. То же самое следует сказать и о Сидоне, где были подвергнуты подробнейшему наземному и подводному исследованию и аэрофотографированию остатки древних портовых строений, давших, однако, материал, не восходящий древнее эллинистического периода².

Древнюю Финикию нельзя рассматривать изолированно от других близлежащих областей древнего Востока. Особенно важное значение для истории Финикии имеет о-в Кипр. Поэтому результаты раскопок, произведенных Шеффером, имеют первостепенное значение для истории. Результаты многолетних исследований резюмированы французским ученым в его обстоятельном труде «Энкоми-Алашия»³.

В течение рассматриваемого периода вышло также несколько общих археологических работ, имеющих непосредственное отношение к Финикии⁴. Наибольшее значение из них имеет обстоятельная статья Дюнана⁵, в которой автор подвергает резкой и справедливой критике выводы К. Шеффера относительно хронологии III и II тысячелетий до н. э.⁶, устанавливаемых археологически на основании якобы повсюду на древнем Востоке почти одновременно происходивших стихийных бедствий, оставивших о себе соответствующие следы в археологических слоях.

Наука обогатилась за последние годы некоторым количеством письменных источников по истории Финикии, к сожалению, еще далеко не полностью изданных. Их можно было бы разделить на две части: источники, целиком касающиеся истории Финикии, а затем те новые письменные данные, которые дают также некоторые сведения о Финикии, что очень важно, поскольку относительно целого ряда периодов истории Финикии наши сведения по сей день являются крайне скудными и отрывочными. Можно прямо сказать, что современное состояние источников позволяет более или менее обстоятельно знать историю Финикии только тельль-эль-амарнского периода.

Важнейшими источниками являются клинописные таблички, написанные на аккадском языке, а также и угаритской алфавитной клинописью, найденные при раскопках Рас-Шамры 1948—1952 гг. Однако лишь небольшая часть их (таблички из раскопок 1948—1950 гг.) издана⁷. Важное значение имеет также и отрывок письма сидонского царя к царю Угарита, свидетельствующий о тесных дипломатических связях между государствами Финикии и дополняющий сведения, получаемые из архива

¹ См. A. M. H. E h r i c h, *Early Pottery of the Jebel Region*, Philadelphia, 1939.

² A. P o i d e b a r d et J. L a u f f r a y, *Sidon, Beyrouth*, 1951. Предварительный отчет: «Syria», XXVIII (1951), № 3-4, стр. 250—255; Рец. R. D u s s a u d, «Syria», XXIX (1952), стр. 159—160. Подобные исследования были ранее проведены в Тире. См. A. P o i d e b a r d, *Un grand port disparu: Tyr, P.*, 1939.

³ Cl. F.-A. S c h a e f f e r, *Enkomi-Alasia, P.*, 1952.

⁴ G. H a n f m a n n, *The Bronze Age in the Near East*, *AJA*, 1951, № 4, стр. 355—356; 1952, № 1, стр. 27—38; M. W i l l i a m s, *A painted Pottery of the Second Millennium from Southern Turkey and Northern Syria*, «Iraq», XV (1953), № 1, стр. 57—65.

⁵ M. D u n a n d, *Stratigraphie et chronologie des sites archéologiques du Proche-Orient*, RA, 1950, № 3.

⁶ Cl. F.-A. S c h a e f f e r, *Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale (III-e et II-e millénaires)*, L., 1948.

⁷ Ch. V i r o l l e a u d, *Les nouveaux textes de Ras-Shamra*, CRAI, 1950, № 4, стр. 296; о н ж е, *Les nouvelles tablettes de Ras-Shamra (1948—1949)*, «Syria», XXVIII (1951), № 1-2, стр. 22—56; о н ж е, *Six textes de Ras-Shamra (provenant de la XIV-e campagne, 1950)*, «Syria», XXVIII (1951), № 3-4, стр. 163—179. Об указанных текстах см. М. Л. Г е л ь ц е р, *Новые данные о социальной структуре Угарита*, ВДИ, 1954, № 1, стр. 72—74.

Телль-эль-Амарны¹. К сожалению, подавляющее большинство табличек из Угарита, исчисляющихся уже сотнями, до сих пор не издано, и мы можем судить о них только по кратким изложениям их содержания, сделанным Ш. Виролло и Ж. Нугеролем². Среди имеющихся табличек немало мифологических текстов на угаритском языке, относящихся главным образом к циклу мифов о богине Анат. Найденные юридические и различного рода деловые документы с царскими печатями или же составленными от имени царя чрезвычайно важны для хронологии древнего Угарита. На их основании можно установить, что царство Угарит существовало еще в XVIII в. до н. э., имея своего династа, отгиск печати которого дошел до нас. Устанавливается, хотя и не бесспорная, последовательность царей в телль-эль-амарнское и предшествующее ему время. Становится ясным также, что в XIV в. до н. э. Угарит подчинялся хеттам, причем преемник Суппилулиумы, Муршилль II, был верховным владыкой царства³, хотя, по всей вероятности, в Угарите сохранялась и местная династия. Опубликование найденных юридических документов: указов о земельных пожалованиях, сделанных царем в пользу отдельных должностных лиц, дарственных документов, документов об освобождении отдельных лиц от податей и повинностей, списков податей и т. д. и т. п. — даст возможность выяснить целый ряд социальных институтов и терминов древнего Угарита, до сих пор неясных, в отдельных случаях, может быть, и пересмотреть некоторые выводы. В немалом количестве найдены дипломатические письма к египетскому фараону, хеттскому царю, к династам более мелких царств Сирии и Финикии. Часть из них написана на угаритском, часть на аккадском языке. Можно предположить, что такие письма, написанные по-угаритски, являются копиями, служившими исключительно для внутреннего пользования, своего рода архивными документами. Немало также найдено документов частного характера: завещания, акты о разделе имущества, усыновлении, брачные контракты, документы о продаже земли и многочисленные частные и деловые письма. Имеются также новые данные и относительно развития ремесла и торговли. Кое-что становится известным о ценах на товары. Так, например, за 12 сиклей железа (XIV в. до н. э.) уплачивалось 23 сикля серебра.

Из новых источников, написанных собственно финикийским шрифтом, можно отметить всего лишь одну публикацию трех одинаковых небольших надписей на наконечниках копий, состоящих из двух слов: ḥṣṣṣ bdlb't «стрела (копье) 'Абдлабиат'а» написанных на трех наконечниках копий⁴. Как по археологическим, так и по палеографическим данным, эти надписи, обнаруженные в южной Финикии, датируются XI веком до н. э., т. е. временем, крайне бедным эпиграфическими памятниками⁵.

¹ J. Nougayrol, Une lettre du roi de Seidon au roi d'Ugarit, «Semitica», III (1950), стр. 19—20.

² Ch. Virolo l e a u d, Les nouveaux textes de Ras-Shamra, CRAI, 1951, № 2, стр. 232—233; о н ж е, Les nouvelles tablettes alphabétiques de Ras-Shamra, CRAI, 1952, № 2, стр. 229—234; о н ж е, Les textes alphabétiques de Ras-Shamra (Ugarit) provenant de la XVI-e campagne (1952), CRAI, 1953, № 2, стр. 209—211; о н ж е, Les nouveaux textes alphabétiques de Ras-Shamra, «Syria», XXX (1953), № 3-4, стр. 187—195; J. Nougayrol, Textes de Ras-Shamra en cunéiformes syllabiques (campagne de 1951), CRAI, 1952, № 2, стр. 181—191; о н ж е, Les nouvelles tablettes accadiennes de Ras-Shamra, CRAI, 1953, № 1, стр. 40—51; Les archives internationales d'Ugarit, CRAI, 1954, № 1, стр. 30—41; № 2, стр. 239—253.

³ Cl. F.-A. Schaeffer, Un sceau royal hittite découvert à Ras-Shamra-Ugarit, «Syria», XXIX (1952), № 1-2, стр. 172—173.

⁴ J. Milik and F. M. Cross, Inscribed Javelin-Heads from the Period of the Judges: A recent discovery in Palestine. BASOR, 1954, № 134, стр. 5—15.

⁵ Ср. надпись на наконечнике копья того же времени, найденную еще в 20-х годах. P. E. Guiges, Pointe de flèche en bronze à l'inscription phénicienne, MUSJ, IX (1926), стр. 325—328; S. Ronzevalle, Note sur le texte phénicien de la flèche publiée par P. E. Guiges, MUSJ, IX (1926), стр. 329—368.

Немало найдено также источников, лишь частично относящихся к истории Финикии, но все же значительно дополняющих наши сведения об этой стране. Сюда следует отнести некоторые данные о торговых сношениях Алалаха (XVIII в. до н. э.) с Угаритом¹ и несколько раньше опубликованную надпись на статуе царя Идрими, относящуюся к XV веку до н. э., в которой сообщается, что Идрими, будучи изгнанником, жил среди воинов хапиру в Аммии² в Финикии, известной нам из телль-эль-амарнской переписки.

Немаловажное значение имеют источники, открытые при новейших повторных раскопках в Нимруде, древнем Калху, в Ассирии и других местах. Анналы и хроники ассирийских царей нередко упоминают Финикию, причем для IX—VII веков мы получаем некоторые новые данные³. Однако наиважнейшее место здесь занимает новый, вновь найденный текст с анналами Салманассара III⁴, говорящий в числе прочего о походе этого царя в Сирию и Финикию на 18-м году его правления (т. е. в 841 г. до н. э.), во время которого ему была принесена дань царями Иеху израильским и Балеазаром тирским. Эти данные позволяют окончательно датировать основание Карфагена не 814 годом, а 825 годом до н. э., следуя хронологии Юстина⁵. Однако при этом до сих пор остается неясным, как все имеющиеся даты согласовать с астрономически точно устанавливаемой датой из хронологии Египта IX века, где 15-й год фараона Такелота II датируется 851 годом до н. э.⁶ В этом случае неясны даты правления Осоркона II и продолжительность его несомненного владычества над Библом⁷, где найдена нижняя часть статуи этого фараона. Можно указать также на текст Тутмоса III (XV в.), говорящий о разорении и наказании сирийских областей, включая и Финикию⁸. После выхода в свет нового издания монографии Ж. Контена «Финикийская цивилизация»⁹, учитывающей все достижения западной науки в этой области и снабженной более или менее полной библиографией, можно лишь указать на работы Холла¹⁰ и Гордона Чайльда¹¹, содержащие разделы о Финикии. Из них исследование Чайльда, основываясь на археологических данных, подробно касается зарождения земледелия и ремесла в Финикии.

Имеется некоторое количество исследований, касающихся отдельных периодов политической истории Финикии, как-то: египетско-финикийских связей времени гик-

¹ D. J. Wiseman, The Alalakh Tablets, L., 1953.

² S. Smith, The Statue of Idri-Mi, L., 1949; W. F. Albright, Some important recent discoveries: Alphabetic origins and the Idrimi statue, BASOR, 1950, № 118, стр. 11—20.

³ D. J. Wiseman, A new Stela of Aššur-Nasir Pal II, «Iraq», XIV (1952), стр. 24—39; он же, An Essarhadon cylinder from Nimrud, «Iraq», XIV, стр. 54—60; A. Heidel, The octagonal Sennacherib prism in the Iraq Museum, «Sumer», IX (1953), № 2, стр. 117—187; C. J. Gadd, Inscribed prisms of Sargon II from Nimrud, «Iraq», XVI (1954), № 2, стр. 137—201.

⁴ F. Safar, A further text of Shalmaneser III, «Sumer», VII (1951), № 11, стр. 3—21; E. Michel, Ein neuentdeckter Annalentext Salmanassars III, WO, 1952, стр. 454—471; 1954, стр. 27—45.

⁵ См. J. Liver, The chronology of Tyre at the beginning of the first millenium B. C., IEJ, 1953, № 2, стр. 113—120.

⁶ R. A. Parker, The names of the sixteenth day of the lunar month, JNES, 1953, № 1, стр. 5.

⁷ M. Dunand, Fouilles de Byblos, P., 1939, стр. 115.

⁸ A. Gardiner, Thutmosis III returns thanks to Amun, JEA, 38 (1952), стр. 6—27.

⁹ J. Contenu, La civilisation phénicienne², P., 1949.

¹⁰ H. R. Hall, The ancient history of the Near East⁶, L., 1954.

¹¹ V. Gordon Childe, New light on the most ancient East, L., 1952. См. рец. Д. Г. Редер, ВДИ, 1954, № 4.

сосского владычества и несколько более раннего периода¹, военного искусства сиро-финикийских государств и их политического положения во II тысячелетии до н. э.² Повторному историко-лингвистическому исследованию подвергнуты за последние годы некоторые тексты писем из архива Телль-эль-Амарны. В результате мы получаем отсюда ряд дополнительных данных, касающихся взаимоотношений Библа с Тиром, отношения мелких государств к Египту, а также социального положения людей «хапиру» (СА-ГАЗ)³. Были подвергнуты рассмотрению также некоторые частные вопросы, связанные с финикийской исторической и мифологической традицией конца II и начала I тысячелетия до н. э.⁴ Заслуживает особого внимания статья В. Ф. Олбрайта о древнейших связях финикийцев с греками и о взаимных культурных влияниях⁵. Олбрайт считает, что заимствование финикийского письма греками относится к самому началу I тысячелетия до н. э., а массовая финикийская колонизация — к X веку до н. э. В статье рассмотрены также причины возвышения Тира в начале I тысячелетия и упадка Библа.

Буржуазная историография не уделяет, естественно, особого внимания социально-экономическим вопросам. За рассматриваемый период вышло только несколько статей, касающихся истории отдельных социальных институтов. Судопроизводство, описанное в угаритском эпосе о Даниэле, подвергли рассмотрению С. Смит и Дж. Грэй⁶, приведя аргументированные сопоставления с параллельным библейским материалом. Подробному анализу с приведением всех известных текстов подвергнут также ряд социальных терминов телль-эль-амарнского и частично сопредельного с ним времени⁷. В указанной статье А. Альта рассматриваются частично также и те повинности, которые несли те или иные категории царских зависимых людей Угарита. Небольшое, но важное исследование А. Хопмэна⁸ дает возможность изучения повинностей отдельных селений царства Угарит.

¹ См. Т. S ä v e - S ö d e r b e r g h, *The Hyksos rule in Egypt*, JEA, 37 (1951), стр. 53—74; W. F. A l b r i g h t, *North-west semitic names in a list of Egyptian slaves from the eighteenth century B. C.*, JAOS, 1954, № 4, стр. 222—232

² S. Y e i v i n, *Canaanite and Hittite strategy in the second half of the second millennium B. C.*, JNES, 1950, № 2, стр. 101—107, см. и статью А. M a l a m a t, JNES, 1954, № 4; W. F. A l b r i g h t, *The smaller Beth-Shan stele of Sethos I (1309—1290 B. C.)*, BASOR, 1952, № 2, стр. 24—32; о н ж е, *The eastern mediterranean about 1060 B. C.*, «Studies Press. to D. M. Robinson», I, 1951, St.-Louis, стр. 223—231.

³ W. F. A l b r i g h t and W. L. M o r a n, *A reinterpretation of an Amarna letter from Byblos (EA, 82)*, JCS, II (1948), № 2, стр. 239—248; о н ж е, *Rib-Adda of Byblos and the affairs of Tyre (EA, 89)*, JCS, IV (1950), № 3, стр. 163—168; T. O. L a m b d i n, *The Miti-people of the Byblian Amarna letters*, JCS, VII (1953), № 3, 75—77; G. M e n d e n h a l l, *The message of Abdi-Ashirta to the warriors*, JNES, V (1946), № 2, стр. 123—124.

⁴ W. F. A l b r i g h t, *The traditional home of the Syrian Daniel*, BASOR, 1953, № 430, стр. 26—27; S. S m i t h, *The Ship Tyre*, FEQ, 1953, № 3-4, стр. 97—110.

⁵ W. F. A l b r i g h t, *Some oriental glosses on the Homeric problem*, AJA, 1950, № 3.

⁶ S. S m i t h, *On the meaning of Goren*, FEQ, 1953, № 1-2, стр. 42—45; J. G r a y, *The Goren at the City gate: Justice and the Royal Office in the Ugaritic text*, AQHT, FEQ, 1953, № 3-4, стр. 118—123.

⁷ R. T. O' C a l l a g h a n, *New light on the maryannus «Chariotwarrior»*, JKF, I (1951), № 3, стр. 309—324; A. A l t, *Bemerkungen zu den Verwaltungs- und Rechtsurkunden von Ugarit und Alalach*, WO, 1954, стр. 7—18; о н ж е, *Hobe Beamte in urkunden von Ugarit und Alalach*, WO, 1954, стр. 7—18; о н ж е, *Hobe Beamte in urkunden von Ugarit und Alalach*, WO, 1954, стр. 7—18; о н ж е, *Hobe Beamte in urkunden von Ugarit und Alalach*, WO, 1954, стр. 7—18.

⁸ A. M. H o n e y m a n, *The tributaries of Ugarit (a toponymic study)*, JKF, II (1951), вып. 1, стр. 74—87. Статья J. G r a y, *Feudalism in Ugarit and Early Israel*, ZAW, 64 (1952), осталась мне недоступной. O. E i s f e l d t, *Ugarit und Alalach*, FUF, XXVIII (1954), № 3, стр. 80—85.

Археологическое изучение городов Финикии и финикийских колоний, а также успехи семитической эпиграфики расширяют наши сведения о финикийской колонизации. А. Йирку пытается, однако, без достаточного основания, утверждать, что упоминаемая в текстах из Угарита и Телль-эль-Амарны Алашия не является о-м Кипр¹. Раскопки на месте древнего Карфагена подтверждают археологически основание города в конце IX века до н. э.²

Вызывавшая немало толков в науке надпись из Норы в Сардинии подверглась повторному исследованию³, однако Ж. Феврие не провел его на должном уровне, идя по следам работы Дюпон-Соммера⁴, пренебрегшего всеми правилами семитической грамматики вообще и финикийской в частности. Поэтому предложенное этими авторами чтение и интерпретация не могут опровергнуть остроумных и наиболее обоснованных выводов Олбрайта о появлении в этих местах финикийцев в X в. до н. э.⁵

Несмотря на несомненные доказательства ранней финикийской колонизации, испанский ученый Босх-Гимпера⁶ до сих пор придерживается взгляда, основанного чуть ли не на «Списке Талассакратии» Евсевия, относящего начало финикийской колонизации не ранее как к VIII веку до н. э.⁷

Этнический состав основного населения Угарита, вызывавший немалые споры в предыдущие годы, не являлся больше объектом больших дискуссий, так как уже прочно установилась точка зрения об основном семитическом населении с некоторой примесью хуррийского и даже индоиранского элемента⁸.

В связи с находкой глиняной таблички с начертанным на ней угаритским алфавитом⁹ вновь возрос интерес ученых к истории шрифта. Этим вопросам, помимо отдельных соображений в приведенных выше работах, посвящен ряд статей¹⁰.

Значительных успехов добились ученые при разработке грамматики финикийского и угаритского языков и ханаанейских оборотов в языке писем Телль-эль-Амарны, что содействует лучшему пониманию во многом еще неясных финикийских и угаритских текстов. Из общесемитологических работ здесь можно назвать исследование

¹ A. J i r k u, The problem of Alashiya, PEQ, 1950, стр. 40—42.

² P. C i n t a s, Céramique punique, Tunis, 1950; он же, Deux campagnes de fouilles à Uttique», 1951. См. рец.: «Syria», 1952, № 3-4, стр. 364—367; RAss, 1953, № 1, стр. 46—47; Ch.-A. J u l i e n, Histoire de l'Afrique du Nord (des origines à la conquête Arabe, 647 ap. J.-C.), P., 1951.

³ J.-G. F e v r i e r, L'inscription archaïque de Nora, RAss, 1950, № 4.

⁴ A. D u p o n t - S o m m e r, Nouvelle lecture d'une inscription phénicienne archaïque de Nora en Sardaigne, CRAI, 1948, № 1.

⁵ W. F. A l b r i g h t, New light on the early history of Phoenician colonization, BASOR, 1941, № 83; он же, The role of the Canaanites in the history of civilization, Studies in the history of culture, Menasha, 1942, стр. 11—50.

⁶ P. B o s c h - G i m p e r a, Phéniciens et Grecs dans l'Extrême Orient, «La Nouvelle Clio», III (1951), № 9-10, стр. 269—296.

⁷ J. L. M y r e s, On the «List of Thalassacracies» in Eusebius, JHS; XXVI (1906), стр. 84—130.

⁸ R. D u s s a u d, Les Cananéens à Ougarit, «Syria», XXIX (1952), . № 1-2, стр. 173—175; St. S e g e r t und Lad. Z g u s t a, Indogermanisches in den alphabetischen Texten aus Ugarit, Ar. Or., 1953, № 2-3, стр. 272—275; A. J i r k u, Zu einigen Personennamen in Syrien, ZDMG, 104 (1954), № 2, стр. 352—356.

⁹ См. М. Л. Г е л ь д е р, ВДИ, 1954, № 4, стр. 74.

¹⁰ W. F. A l b r i g h t, BASOR, 1950, № 1-9; E. A. S p e i s e r, A Note on alphabetic origins, BASOR, 1951, № 121, стр. 17—21; D r i v e r, Semitic writing, L., 1948. См. также И. Н. В и н н и к о в, ЭВ, V (1951), стр. 121—133; ВДИ, 1950, № 3, стр. 86—97; ВДИ, 1952, № 4, стр. 141—152. В. А. К р а ч к о в с к а я, ЭВ, V (1951), стр. 5—9; ЭВ, VI (1952), стр. 46—100. Все указанные статьи резюмируют новейшие достижения в изучении финикийского письма.

по фонетике чешского семитолога Р. Ружички¹ и венгерского И. Айстлейтнера, а также работу Э. Шпейзера². Особенности языка Телль-эль-Амарны нашли себе исследователя в лице американского ассириолога В. Морана³.

Выход в свет справочника Ч. Гордона, в котором дан очерк угаритской грамматики, словарь угаритского языка⁴ и приведены в транскрипции все появившиеся на 1947 г. тексты, далеко не исчерпал всех возможностей в этой области и вызвал в среде ученых оживленные споры⁵. Поэтому вполне естественно, что все время продолжают появляться как новые исследования, касающиеся языка Угарита в целом⁶, так и отдельные работы по фонетике⁷, морфологии и синтаксису⁸. Кроме того толкование отдельных слов и выражений угаритского языка содержится в ряде работ, касающихся угаритской литературы (см. ниже).

Большим событием для семитологов явилось появление в свет новой грамматики финикийского языка И. Фридриха⁹, в которой автор собрал воедино, систематизировал и подробно исследовал все финикийские и пунические надписи и выявил целый ряд новых закономерных форм финикийского языка. Такая грамматика совершенно необходима, поскольку со времени выхода в свет грамматики Харриса¹⁰ прошло 15 лет, а за этот период финикийская эпиграфика сделала немалые успехи. После грамматики И. Фридриха появляются исследования, посвященные отдельным вопросам фонетики и морфологии финикийского языка¹¹. Повторному исследованию в свете новых данных подвергались также и ранее известные финикийские надписи¹².

Сравнительно долгое отсутствие новых публикаций литературных текстов из Угарита вызвало стремление подвести итоги проделанной работы по переводу и интерпретации имеющихся мифологических и эпических текстов¹³. Т. Гастер сделал попытку

¹ R. R u ž i č k a, La question de l'existence du «g» dans les langues sémitiques en général et langue ugaritique en particulier, *Ar. Or.*, XXII (1954), № 2-3, стр. 176—237; J. A i s t l e i t n e r, Untersuchungen zur Grammatik des Ugaritischen, B., 1954.

² E. A. S p e i s e r, The terminative-adverbial in Canaanite-Ugaritic and Accadian, *IEJ*, 1954, № 2, стр. 108—115.

³ W. L. M o r a n, New Evidence of Canaanite taqtulū(na), *JCS*, V (1951), № 1, стр. 33—35; о н ж е, Does Amarna bear on Karatepe? (an answer), *JCS*, VI (1952), № 2, стр. 76—80; о н ж е, Amarna : umma in Main Clauses, *JCS*, VII (1953), № 3, стр. 76—80; о н ж е, Amarna : umma in Main Clauses, *JCS*, V (1951); № 2, стр. 58—61. J. O b e r m a n n, Does Amarna bear on Karatepe?, *JCS*, V (1951); № 2, стр. 58—61.

⁴ C. H. G o r d o n, Ugaritic handbook, Roma, 1947.

⁵ C. H. G o r d o n, Ugaritica, *JNES*, 1950, № 3 (статья содержит полемику с Гастером по поводу «Ugaritic handbook»).

⁶ J. C a n t i n e a u, La langue de Ras-Shamre, «Semitica», III (1950), стр. 21—34.

⁷ M. B r a v m a n n, An Arabic cognate of Ugaritic ḡmrm, *JCS*, VII (1953), № 1, стр. 27.

⁸ E. U l l e n d o r f, Ugaritica Marginalia, «Orientalia», 1951, № 3, стр. 270—274; M. P o p e, Ugaritic Enclitic -mm, *JCS*, V (1951), № 4, стр. 123—128; о н ж е, «Pleonastic Wāw before nouns in Ugaritic and Hebrew», *JAOS*, 1953, № 2, стр. 95—98.

⁹ J. F r i e d r i c h, Phönizisch-punische Grammatik, Roma, 1951.

¹⁰ Z. S. H a r r i s, Phoenician Grammar, New-Haven, 1936; о н ж е, Development of the Canaanite dialects, New-Haven, 1939.

¹¹ F. M. C r o o s and D. N. F r e e d m a n, The pronominal suffixes on the third person singular in Phoenician, *JNES* 1951, № 4, стр. 228—230; J. F r i e d r i c h, Phönizische Namen in kyprischer Silbenschrift, *WZ*, 52 (1953), № 1-2, стр. 90—92.

¹² K. G a l l i n g, Die Achiram-Inschrift im Lichte der Karatepe-Texte, *WO*, 1950, № 5, стр. 422—425; H. B o s s e r t, Die phönizisch-helhitischen Bilinguen von Karatepe, *JKF*, II (1952), № 2, стр. 167—188; A. D u p o n t - S o m m a i r e, L'Inscription de Je'awmilk, roi de Byblos, «Semitica», III (1950), стр. 35—44.

¹³ Оставляя в стороне более ранние работы, отметим лишь С. Н. Г о р д о н, Ugaritic literature, Roma, 1949.

связать угаритские легенды с легендами прочих стран древнего Востока и выявил достаточное количество параллельных сюжетов в мифологии разных народов, дав переводы текстов на высоком филологическом уровне¹. Имеющаяся же работа Дель Медико² стоит на более низком научном уровне: всю книгу пронизывает тенденциозное и натянутое стремление подогнать имеющуюся литературу Угарита под Библию. Так, например, текст о «Благодетельных богах» (SS), являющийся текстом религиозной мистерии, он считает кодексом законов, письмо царя Угарита к хеттскому царю Суппилулиуме — частью царской Книги хроник. Подобных примеров множество, к тому же переводы сделаны, исходя не из правильного понимания текста, а по вольному поэтическому наитию автора.

Интересным является исследование чешского семитолога Крушины-Черни, который подходит к изучению литературы Угарита с марксистских позиций³. После издания Х. Гинзбергом эпоса о Керете⁴, выполненного на высоком филологическом уровне, можно отметить лишь новое издание цикла угаритских мифов о богине Анат, изданных У. Кассуто⁵. Несколько статей посвящено чисто филологическому толкованию отдельных мест из мифов и эпосов Угарита⁶. Помимо чисто филологических вопросов, рассматриваются отдельные вопросы религии Угарита⁷. Вместе с тем до сих пор отсутствует издание справочного характера по религии Финикии и Ханаана, хотя объективные предпосылки для появления такой работы уже имеются.

Имеется несколько небольших исследований: относительно культурно-религиозных влияний Ханаана на другие страны и обратно, о ханаанско-египетских⁸ и ханаанско-хеттских⁹ общих мифологических сюжетах и религиозных представлениях и об одном ханаанском псалме, якобы попавшем в библейскую Книгу псалмов¹⁰. Некоторая попытка подвести итог изучению древнего Угарита сделана Дж. Юнгом¹¹.

Как известно, некоторые сведения о финикийской мифологии дошли до нас в гре-

¹ Т. Н. Gaster, *Thespis, ritual myth and drame in the ancient Near East*, N. Y., 1950.

² Н. Е. Del Medico, *La Bible Cananéenne decouverte dans les textes de Ras-Shamra (traduction nouvelle)*, P., 1950.

³ L. J. Krusina-Černy, *Ugaritic literature and the Bible*, Ar. Or., 1954, № 2-3, стр. 495.

⁴ Н. Л. Ginsberg, *The legend of king Keret*, New-Haven, 1946.

⁵ У. Cassuto, *The goddess Anath*, Jerusalem, 1951; см. рец.: М. Роре, JCS, VI (1952), № 3, стр. 133; G. Gordon, JAOS, 1952, № 4, стр. 180—181.

⁶ Н. Л. Ginsberg, *Interpreting Ugaritic texts*, JAOS, 1950, № 3, стр. 156—160; С. Gordon, *Notes on the legend of Keret*, JNES, 1952, XI, № 3, стр. 212—213.

⁷ J. Gray, *The hunting of Ba'al: Fratricide and atonement in the mythology of Ras-Shamra*, JNES, 1951, № 3, стр. 146—153; он же, *DTN and RP'UM in Ancient Ugarit*, PEQ, 1952, № 1-2, стр. 39—41; он же, *The god YW in the religion of Canaan*, JNES, 1953, № 4, стр. 276—283; М. Tsevat, *The Ugaritic goddess Nikkal-WYB*, JNES, 1953, № 1, стр. 60—61; J. Aistleitner, *Götterzeugung in Ugarit und Dilmun*, Acta Orientalia Academiae Hungaricae, 1953, № 3, стр. 285—312.

⁸ Т. Н. Gaster, *The Egyptian «Story of Astarte» and the Ugaritic Poem of Baal*, BO, 1952, № 3-4, стр. 82—85; Т. O. Callaghan, *The word ktp in Ugaritic and Egypto-Canaanite mythology*, «Orientalia», 1952, № 1, стр. 37—46; Simpson, *New light on the god Reshef*, JAOS, 1953, № 2, стр. 86—89.

⁹ Н. Otten, *Ein kanaanäischer Mythos von Bogazköy*, MIO, I (1953), № 1, стр. 125—150.

¹⁰ F. M. Cross, *Notes on a Canaanite psalm in the Old Testament*, BASOR, 1950, № 117, стр. 19—21.

¹¹ F. D. Young, *The present status of Ugaritic studies*, JKF, II (1952), № 3, стр. 225—245.

ческой передаче Филона Библиского и других авторов. Исследования последних лет пытаются и здесь осветить ряд вопросов в новом свете¹.

После итоговых работ Дюссо и Барнетта² по искусству Финикии появилось лишь несколько статей, не имеющих особо важного значения³.

Некоторое отношение к проблемам истории Финикии имеет вопрос о людях «хапиру» (СА - ГАЗ). За последние годы расширились сведения относительно их обитания на территории Финикии⁴ или в непосредственно прилегающих к ней землях: в пределах Алахского царства⁵ и, возможно, в пределах верхней Галилеи и южной Финикии⁶, а также и в других местах⁷.

Надо надеяться, что будущие исследования Финикии дадут много плодотворных результатов и наука в скором времени сможет воспользоваться новыми важными публикациями.

М. Л. Гельцер

О ДВУХ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ В ЕГИПТЕ, ОТНОСЯЩИХСЯ КО ВРЕМЕНИ III И IV ДИНАСТИЙ (XXVIII—XXVII вв. до н. э.)

В последние годы обращают на себя внимание археологические работы в Египте интенсивно ведущиеся экспедициями Службы древностей египетского правительства. Значительный интерес вызывает открытие этими экспедициями в некрополях Саккары и Гизы двух неизвестных до настоящего времени памятников III и IV династий. В некрополе Саккары были открыты остатки недостроенной ступенчатой пирамиды III династии, построенной, вероятно, для одного из преемников фараона Джосера. В некрополе Гизы обнаружена в каменном тайнике, вблизи Великой пирамиды (фараона Хеопса), хорошо сохранившаяся и нетронутая грабителями большая деревянная лодка, вероятно, священная солнечная барка фараона Хеопса. В печати опубликованы пока еще только краткие предварительные сообщения об этих археологических открытиях, не совсем еще ясных для египтологов, но возбуждающих значительный интерес, который, несомненно, возрастет с дальнейшими раскопками и обследованием памятников.

Наше сообщение об этих археологических открытиях основано на кратких предварительных сообщениях З. Гонейма («Times», 1954, 9.IX), Э. Дриотона (RA, 1954, т. 44), А. Мора (NL, 1954, № 1399), а также на хроникальных заметках, иногда с иллюстративным материалом («Аль Ахрам», 1954, 28. V, № 24660; 9. VI, № 24670, на араб. яз.; ChE, 1954, т. 39, № 58; ILN, 1954, № 6007, 6009; 1955, № 6043).

¹ Ch. Picard, Sanchuniathon d'après Philon de Byblos et Porphyre, RA, 1950, № 4, стр. 122—123; O. Eissfeldt, Sanchuniaton von Beirut und Ilumilku von Ugarit, B., 1952.

² R. Dussaud, L'Art phénicien du II-e millénaire, P., 1949; R. D. Barnett, Early Greek and Oriental ivories, JHS, LXVIII (1948), стр. 1—25.

³ O. Eissfeldt, Zur Deutung von Motiven auf den 1937 gefundenen phönizischen Elfenbeinarbeiten von Megiddo, FuF, 1950, № 1-2; J. Edwards, A Relief of Qudschu-Astarte-Anath in the Winchester College Union, JNES, 1955, № 1, стр. 49—51.

⁴ См. упомянутую выше работу S. Smith, The statue of Idri-mi, L., 1949.

⁵ D. Wiseman, The Alalakh tablets, L., 1953.

⁶ A. Jirku, Neues über die Habiru-Hebräer, JKF, II (1952), № 2, стр. 213—214.

⁷ T. Sève-Söderbergh, The 'prw as vintagers in Egypt, OS, I (1952), № 1-2, стр. 5—14.